СЕТЕВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ: ПОТЕНЦИАЛ ВЛИЯНИЯ

УДК 316.28

А. А. ХРЫКИН

Предметом данной статьи являются сетевые политические коммуникации. На данный момент это понятие не имеет четких и устоявшихся определений и является областью интересов политологии и социологии. Нами проанализированы новые сетевые формы политических коммуникаций, их принципиальные отличия от сложившихся форм политического общения, сделаны выводы относительно трансформационного потенциала сетевых коммуникаций для политической сферы.

Под политическими коммуникациями подразумеваются любые массовые коммуникации, где массовый коммуникативный акт или взаимная обратная связь обладают политическим потенциалом как на индивидуальном, так и на групповом уровне. И сетевые политические коммуникации во многом являются ключом к пониманию будущего политических коммуникации и политической реальности. В общем виде политическую коммуникацию можно определить как «смысловой аспект взаимодействия политических акторов путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление. Она связана с целенаправленной передачей и избирательным приемом информации, без которой невозможно движение политического процесса ... политическая коммуникация как особый, частный случай коммуникации, представляющий собой информационное воздействие политических акторов друг на друга и окружающую социальную среду (общество) по поводу власти, властно-управленческих отношений в обществе, является атрибутом, неотъемлемым свойством политической деятельности, без которого последняя не может ни существовать, ни мыслиться» [6].

Определение подобного рода можно считать в некотором смысле классическим, так как оно четко и логично ограничивает область политических коммуникаций и дает представление об их сущностных признаках и атрибутивности. С точки зрения логики это верное разделение, однако на опытном уровне нет общезначимых критериев для разделения политических и социальных коммуникаций.

Понятие «сетевые политические коммуникации» не имеет устоявшихся определений, так как изменения в информационной и технологической составляющей общественной жизни за последние несколько десятилетий привели к полному изменению коммуникативной картины мира. Развитие доступа к сети Интернет, появление электронной коммерции, формирование социальных сетей сделали возможным неограниченное общение между людьми. Возможности хранения и передачи звука, медиа, фильмов и текстов позволяют конструировать целые миры. Естественно, что подобные изменения не могли не повлиять на политическую сферу жизни общества, на политические коммуникации и саму политику.

Первыми массовыми сетями были телефонные и электрические сети, которые появились еще в 19 веке и в дальнейшем охватили весь мир. Именно на их фундаменте стоят все последующие информационно-коммуникативные комплексы. В 1960-е годы появились первые компьютерные сети, в 1970-е был создан первый персональный компьютер, доступный обычным потребителям, в 1980–1990-е массовое распространение получил Интернет и сервисы электронной почты. В 2000-е годы технологии дали возможность внедрения мобильной связи и беспроводной передачи данных. Возникло технологическое основание для формирования виртуального информационного пространства, в котором привычные способы политических коммуникаций теряют свою эффективность.

В сравнении с привычными политическими коммуникациями их сетевое продолжение приобретает иные качественные характеристики, которые позволяют говорить об этом понятии как о специфическом и имеющем свое отдельное место среди политических концептов. Сетевые политические коммуникации основаны на теоретическом осмыслении возникающего сетевого общества, сетевого капитализма как его экономического ядра и текста как формы сетевых коммуникаций. Сетевые коммуникации отличаются от обычных своей полимагистральностью [9], а также повторяемой структурой. Эти отличия выходят за рамки классических, центрических и одноканальных моделей коммуникаций.

Модель сетевого капитализма позволяет выделить основные следствия развития сетевого общества, в котором реализуется экономическая активность участников хозяйственной жизни. Если М. Кастельс акцентировал эффект глобализации экономического мира и финансовых институтов [7] на усилении роли

глобальных финансовых институтов, то, например, А. Олейник рассматривает сети с позиций возможности для развития доверительной локализации экономики.

Основным следствием перехода к сетевому капитализму можно считать локализацию экономических связей между участниками рынка. Это позволяет сформировать отношения доверия, безопасности и стабильности между игроками на рынке и компенсировать политическую и правовую нестабильность внешней среды. Сетевая экономика есть результат процессов взаимной стабилизации транснациональных экономических связей, которые в прежние периоды подвергались различному нормативному регулированию в разных государствах. Сети оказываются мостом между разделенными в правовом и географическом пространстве игроками и будущим единым глобальным экономическим миров с унифицированными нормами. [11]

Текст как форма сетевых коммуникаций наряду с теориями сетевого капитализма является важнейшей часть фундамента сетевых политических коммуникаций. Информационная структура сетевых коммуникаций основана на тотальном присутствии текста. Из текста состоит вся информация, а также языки программирования и протоколы обмена данными. Аудиальная и визуальная информация при передаче в сети становится особого вида текстом, кодируется и декодируется, сжимается или преобразуется. Сетевой текст – это гипертекст с неограниченным числом переходов одних текстов в другие, он более связный и полный. Сетевой текст – это поток, который часто не может обладать конкретным авторством, так как верифицировать автора невозможно. В итоге сети своей структурой втягивают участников во взаимное порождение информации и ее коллективное распространение [4].

Таким образом, сетевые коммуникации обладают коренными отличиями от классических схем коммуникаций, а также базируются на ином социальном, технологическом и экономическом фундаменте, который позволяет им обладать уникальными характеристиками, недоступными прежде. Сетевые коммуникации являются полимагистральными и ячеистыми по структуре. Это дает преимущество при сохранении информации. Сетевые коммуникации представляют собой модельную структуру сетевого общества и одновременно оказываются его передающей частью.

Сегодня происходит процесс сетевизации политических коммуникаций, когда старые формы остаются достаточно эффективными, например, печатные и телевизионные СМИ, и при этом они дополняются сетевыми ресурсами, интернет-сайтами, блогами и группами в социальных сетях. И пока не произойдет полного перехода к сетевой политике, мы будем иметь дело с процессами сетевизации устоявшихся политических каналов информации и влияния.

Сетевизация сложившихся форм коммуникаций привела к доминированию горизонтальных векторов во взаимодействии между людьми и естественным образом перенесла большинство обсуждаемых политических проблем на несколько горизонтальных уровней. Устойчивая вертикальная институциональная интеграция современных политических систем стала терять свой статус безальтернативной и наиболее эффективной системы регуляции политических отношений. Появление горизонтально интегрированных систем коммуникации на первом мультилокальном этапе развития породило ожидания, связанные с ростом низовой политической активности. Д. Нейсбит в своей работе «Мегатренды» в начале 1980-х предсказал растущее влияние социальных и профессиональных сетей на принятие политических решений [10, с. 281]. Однако следующий глобальный этап развития сетевых коммуникаций дал возможность выстраивания новых горизонтальных сообществ вне государственных и экономических границ. Поэтому можно говорить о появлении виртуального в онтологическом режиме и сетевого в топологическом режиме политического пространства. Новое политическое пространство, сконструированное сетями и виртуальными оболочками, вместило в себя иные формы политической активности и дало политическим свободам новые возможности реализации.

Отсюда можно прийти к пониманию неизбежности сетевизации политических коммуникаций, а, возможно, и к тому, что сетевые формы политических коммуникаций смогут стать институциональной формой политической власти. Развитие представлений о растущем влиянии сетей можно обнаружить у М. Кастельса в контексте постиндустриального будущего, а затем и у Р. Берта в рамках социологического моделирования организационных структур. Но наиболее близкой к политической реальности оказалась концепция нетократии А. Барда и Я. Зодерквиста [5, с. 35], в которой полностью переосмыслялась модель дистрибуции власти в связи с наступлением сетевой эры развития. Однако уже здесь можно увидеть коренные противоречия в интерпретации сетевой модели. Нетократия предполагает, что, несмотря на предельную доступность информации и скорость ее обращения, выгоду

будет приносить закрытость, некоммуницируемость, некоторая элитарность. Именно эксклюзивность разделит логику капитализма и логику нетократии. Рациональность в данном постулате действительно присутствует, и необходимо принять во внимание полемику вокруг прав собственности на информационные продукты. Сторонники ограничений прав на информационные и программные продукты ссылаются на известное сравнение моделей экономического обмена. Если один субъект отдал яблоко другому, то осталось всего одно яблоко, но у другого субъекта. Если же один субъект дал информацию другому, то информации стало в два раза больше. Этот пример ясно указывает на исчерпанность ресурсов традиционной экономики капитала в сравнении с моделями экономики знания.

С другой стороны, Р. Берт указывает на то, что нахождение в точке, где пересекаются наибольшие потоки информации, дает больше преимуществ, а позиция сетевого брокера [1] открывает самые большие возможности для влияния на мнение окружающих людей и на восприятие инноваций. Его модель основывается на максимизации контактов и коммуникаций как основы эффективности коммуникаций и находится в противоречии с эксклюзивностью нетократической модели сети. Принцип сетевого индивидуализма, впервые сформулированный М. Кастельсом в коммуникативном горизонте, выглядит как неизбежный барьер между участниками коммуникации, обусловленный более высоким уровнем автономности субъекта в принятиях решений и выборе сообществ для взаимодействия. Таким образом, между большими социальными образованиями и сознанием субъекта возникает еще одна граница, разделяющая автономную сферу субъекта и внешнее социальное и коммуникативное пространство.

Из указанных выше подходов к сетевым политическим коммуникациям не следует каких-либо непротиворечивых выводов. Эксклюзивность будет конфликтовать с открытостью, а сетевой индивидуализм будет находиться между этими позициями. Для нас важно понять, каким образом сетевые структуры функционируют и каким образом они будут выстраивать властные иерархии между участниками сети. В ином случае сетевизация останется лишь методологическим приемом и, возможно, прикладной теорией коммуникаций.

Также необходимо указать, что понятие сети, исключая их технологическое толкование, используется в двух направлениях — как аналитический инструмент и как форма управления [12]. И необходимо признать, что мы до сих пор не имеем теории, которая смогла бы правдоподобно описать, каким образом сети изменят социальную структуру и поведение людей на микро- и макроуровне. У нас нет инструментальных и теоретических средств для анализа новой социальной и политической реальности в контексте перехода к сетевому режиму организации экономики, менеджмента, трудовой деятельности и, самое главное, нет понимания того, как изменится само понятие политического в новой сетевой реальности.

В контексте сетевых коммуникаций это дает возможность указать на автономное поле для изучения феноменов социального мира средствами дискурсивного, нормативного и коммуникативного анализа. В качестве примера можно сравнить социальные интернет-сети и блоги как два уникальных сетевых феномена. Социальные сети обладают определенным набором образующих элементов: участники как субъекты действия, участники как носители информации для других субъектов, участники как активные субъекты, авторизация сети, набор уровней доступа, каналы обмена внутри сети. Блоги отличаются от социальных сетей тем, что имеют функциональную ориентацию на самопрезентацию, на активность субъекта, но при этом дают возможность автономности, что для социальных сетей является самым негативным качеством участников. Блог включает в себя платформу для информации, авторизацию. Набор уровней доступа, фильтрующие механизмы отбора участников. Несмотря на принципиальные различия блогов и социальных сетей, социальные сети могут включать в себя блоги как элемент, однако исторически сложилась ситуация, когда блоги опередили социальные сети и существуют в качестве отдельных сервисов.

Специфика сетевой коммуникации заключается в том, что она всегда уже включает определенный протокол обмена данными и правила организации коммуникации. Речевая коммуникация отличается от сетевой единством времени коммуникации. Речь или диалогическое общение в этом контексте противостоит тексту в сетевой форме. Кроме того, участники сети, которые вступают в коммуникацию, могут высказывать только субъективные суждения о мире, при этом, если коммуникация письменная, ее можно рассматривать и как объект логического анализа. Второе следствие заключается в том, что нормативные суждения о социальном мире могут быть даны как агрегатная позиция точно определенного количества участников коммуникации либо как интерпретация через призму

субъективности конкретного участника коммуникации. То есть если кто-то в политическом сообществе решил утверждать, что «сообщество считает поступок негативным или позитивным» или «данная норма неправильная», то ему будет необходимо каждый раз предъявлять результаты голосования. В ином случае это будет частное суждение, основанное на принуждении остальных.

Однако данные следствия вступают в противоречие с реальностью, в которой сообщества могут иметь хотя бы одно мнение и единый устоявшийся набор ценностей в качестве нормативной базы. Но и это понимание скорее стремится к идеализации нормативного консенсуса. Возникает несколько вопросов, без ответов на которые представление о сетевой политике не сможет из теоретической плоскости перейти в практическую.

Возможны ли в сетевом режиме сообщества, которые будут обладать потенциалом социального действия? Мы можем зафиксировать, что сетевые сообщества объединяются только по какому-либо интересу, а не для решения каких-то задач, и тем более достижения единой цели. Сети могут производить коммуникации, порождать зависимость от ресурсов и форм общения, они могут информировать и склонять к принятию решения. Однако они не могут силой публичности или насилия отнять выбор и достичь цели. Сам протокол не дает возможности решать за других. [8]

Возможны ли сетевые политические сообщества, имеющие своей целью власть? Этот вопрос решается, если понять, что политические партии имеют блоги и сайты, они поддерживают свои сетевые сообщества, однако мы пока не знаем о политических сетевых сообществах, которые бы имели партии или хотя бы создавали их. Сети могут информировать людей о событиях, формировать оценку событий, они могут даже предложить сделать поступок, но выбор в любом случае остается за субъектом, потому что он — единственная инстанция, которая вправе принимать решение.

Наконец, каким образом может происходить вертикальная дистрибуция власти в горизонтальных структурах сети? Этот вопрос указывает на институциональные трудности осуществления власти в сетевом пространстве. Вертикальные иерархии, которые ставились под сомнение в концепции нетократии (нового сетевого общества, где главной ценностью является доступ к информации и ее генерация) [5], не имеют себе аналогичной и более совершенной замены. Даже если допустить на одном горизонтальном уровне иерархии качественный паритет, то в таком случае либо социальный мир будет дезинтегрирован, либо необходимо допустить несколько горизонтальных уровней, отношения между которым будут иерархичными. Это в свою очередь лишает смысла оптимизм относительно инновационного потенциала сетевой политики и сетевых политических коммуникаций.

Также существует достаточно обоснованная позиция относительно возможности различения статуса сетевой активности, причем независимо от того, реальная сеть или виртуальная. Р. Мэйфилд [3] описывает особую экосистему сети, в которой в зависимости от количества используемых связей сети отличаются по статусу. Ссылаясь на теорию М. Гладуэлла [3], она показывает, что человек, как правило, имеет не более двенадцати близких людей. Далее, используя число, выведенное опытным путем Р. Данбаром [2], выясняется, что человек в повседневной жизни может поддерживать не более 150 контактов, то есть вести дифференцированные коммуникации с разными людьми, помня об их различиях. Если же количество контактов превышает 150, то в таком случае коммуникации формализуются для ускорения обмена, и, следовательно, снижается уровень доверия и взаимности внутри каждой связи. Р. Данбар обосновал свое правило, исходя из ограниченных возможностей неокортикса и прямой зависимостью между размером группы и степенью развитости коры мозга.

Для сферы виртуальных, социальных сетей и блогосферы это означает возможность различения статуса узловых точек сети, которые производят новости и формируют оценки. Первый узел — это уровень двенадцати, или уровень приватности и сотрудничества, второй уровень имеет предел 150 контактов, это уровень коммуникаций, третий уровень достигается, когда число связей превышает 1000, и это уровень публичности и политики. То есть узлы, связывающие более тысячи контактов независимо от контента являются политическими, а уровень потребностей большинства людей в более широком общении и взаимодействии может быть удовлетворен 150–1000 непостоянных связей. Фактически большинство блогов с большим количеством подписчиков, подвергаются мониторингу, а интернет-сайты принуждаются к регистрации в качестве средства массовой информации с определенными нормативными обязательствами.

В итоге возникает более ясная картина происходящих процессов сетевизации общества, а, значит, и принципов сетевизации политических коммуникаций. В реальности у нас есть физиологическая граница

коммуницируемости социального мира, а также понимание того, что политическое в сетевом режиме возникает не только благодаря классическим схемам, а в связи с количественным ростом связей и взаимодействующих групп. Ценность сети пропорциональна количеству связей (принцип Меткэлфа). Соответственно, качественный переход на уровень публичности для коммуникаций с необходимостью сопровождается приобретением статуса политического уровня публичности независимо от контента.

Эффективность сетей в возможностях социального действия заключается в соответствии принципу Рида, который гласит, что ценность сети пропорциональна количеству групп. Сетевой индивидуализм может трансформироваться в групповой интерес, а затем иметь потенциал социальных преобразований. Сетевизация политики может привести к растворению некоторых мощных вертикальных институтов, которые обретали свою власть, благодаря решению тех вопросов, которые сеть как форма коммуникации решает технологически.

Если в середине 19 века общество остро нуждалось в саморефлексии, и появились целые отрасли социальных наук, то в ближайшем будущем возникнет ситуация, когда уровень неопределенности относительно поступков и рациональности предельно снизится, так как типизация с одной стороны, и тотальная сетевая интеграция с другой стороны полностью откроют стратегии публичной, а, возможно, и частной рациональности субъекта. Действительно, если мнения всех можно посчитать, то вопрос заключается лишь в интерпретации мнений и их динамики, если же допустить, что поведение ограничивается некой матрицей вариантов, то в таком случае неопределенность переместится в иные измерения, методы изучения которых изменят саму социальную науку.

Естественным образом возникает и заключительный вопрос – возможна ли демократия в сетевом обществе? Сетевизация политических коммуникаций приводит к тому, что сложившиеся политические коммуникации и процедуры признания и легитимации переходят в режим единого потока влияния, который формируется горизонтально на разных уровнях сетевой архитектуры. И достаточным условием для перехода этого влияния в политическое качество являются количественные параметры. Этого условия достаточно, чтобы заявить о демаркации границ между отдельными сферами модерности, когда политика отделялась от экономики, а наука от идеологии. То есть политическое станет неотъемлемым атрибутом сетевых коммуникаций, а значит, представить какую-либо сеть вне политики невозможно.

1. Burt R. S. Structural holes and good ideas [Электронный ресурс]. URL: http://www.cs.princeton.edu/~sjalbert/SOC/Burt.pdf.

2. Dunbar R. I. M. Co-evolution of neocortex size, group size and language in humans.: [Электронный ресурс]. URL: http://www.uvm.edu/~pdodds/files/papers/others/1993/dunbar1993a.pdf.

3. Mayfeld R. Social network dynamics and participatory politics by Ross Mayfeld//Extreme Democracy.2005: [Электронный ресурс]. URL: http://www.extremedemocracy.com/chapters/Chapter%20Ten-Mayfield.pdf.

4. Акопов А. И. Текст как сущность и форма сетевой коммуникации//«RELGA» – научно-культурологический журнал. 2004. № 7: [Электронный ресурс]. URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=223&level1=main&level2=articles.

5. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Правящая элита и жизнь после капитализма [Текст] / А. Бард, Я. Зодерквист. – СПб., 2004.

6. Грачев М. Н. К вопросу об определении понятий "политическая коммуникация" и "политическая информация" // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2003. № 4: [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/Grachev/vestnik_2003.html.

7. Землянова Л. М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // Вестник Московского Университета. № 2, 1999: [Электронный ресурс]. URL: http://www.nethistory.ru/biblio/1043175013.html?version=print.

8. Назарчук А. В. Социальные сети и трансформация политического порядка//Вестник аналитики, 2007. № 30: [Электронный ресурс]. URL: http://www.nazarchuk.com/articles/article15.html.

9. Назарчук С. А. Сетевое общество и его философское осмысление//Вопросы философии. 2008. № 4: [Электронный ресурс]. URL: http://www.nazarchuk.com/articles/article16.html.

10. Нейсбит Д. Мегатренды [Текст] / Д. Нейсбит. – М., 2003.

11. Олейник А. Н. Модель сетевого капитализма // Вопросы экономики. № 8: [Электронный ресурс]. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_366.htm.

12. Пауэлл У., Смит-Дор Л. Сети и хозяйственная жизнь // Экономическая социология, 2003. Т. 4. № 3: [Электронный ресурс]. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/292/588/1234/ecsoc_t4_n3.pdf.